

ТОДД ЛЕРОЙ

A woman with blonde hair, wearing a dark, heavy coat, stands on a balcony or walkway, looking out over a city at night. The city lights are visible in the distance, and the sky is dark with some clouds. The overall mood is contemplative and somewhat somber.

ЖАКЛИН ВРАНА

Тодд Лерой
Жаклин Врана

«Издательские решения»

Лерой Т.

Жаклин Врана / Т. Лерой — «Издательские решения»,

Обнаружено неопознанное тело женщины с фотографией мужчины, которого она письменно обвинила в своем убийстве. Вскоре выясняется, что виновный мертв, а в кармане покойника — снимок с якобы причастным уже к его смерти.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жаклин Врана
Эхо от лам
Тодд Лерой

© Тодд Лерой, 2016

© Тодд Лерой, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Она запустила руку в почтовый ящик и вынула плотный оранжевый конверт. Еще теплый, он приятно шуршал. Жаклин не знала, когда приходит отправитель. Она обращалась в почтовую клиентуру, и те ничего кроме счетов и выписок из банка ей не предъявляли. Девушке приходилось мириться с тем, что незнакомца не раскрыть. И все же это беспокоило ее не сильно. Жаклин патологически не умела волноваться.

Она обитала в квартире, просторной, как и все в Швеции, однако же серой и грязной. Многие женщины назвали бы ее неуютной или холостяцкой. Этот квадрат бетона Жаклин все равно не принадлежал. Она выплачивала шесть тысяч крон в месяц и была вполне этим довольна. Ее устраивала крыша над головой и четыре стены во всех комнатах

О том, что на балконе вымеряет шаги ручной ворон, квартиродателям она так и не сообщила. Она полагала, что по таким мелочам беспокоить владельцев точно не стоит. Хозяйка, пожилая леди из Вестервика, квартиру ей сдавала уже почти пятнадцать лет. Как раз столько же было и ворону. Жаклин приручила его еще подростком, когда помогала патологоанатому. Она часто навещала молчаливые гробницы и кормила ненасытных птиц животных. Она не решалась брать на себя лишнюю опеку. Рыбки, которых она завела в тринадцать, умерли уже через неделю. А вот ворон нашел ее сам и сам навязался.

Ванко уже был ручным, о чем свидетельствовала пара фраз, которые он выговаривал голосом охрипшего ребенка. К тому времени Жаклин уже была наслышана о том, что вороны – птицы очень преданные и предательства не переносят. Ванко был птицей явно брошенной и больной. Девочке с трупным цветом лица он все же доверился, а однажды выследил и постучал клювом в стекло ее кухни. Случилось это спустя год после их встречи. Девочка не располагала к новым знакомствам. Да и вовсе к каким-либо знакомствам, но животных и птиц она жаловала больше людей.

Ее квартиру в одну комнату и кухню можно было спутать с притоном для наркоманов, если бы не разбросанные повсюду стаканы остывшего кофе. Жаклин не любила убираться и несмотря на то, что ей откровенно не нравилось, когда трогали ее вещи, часто прибегала к услугам уборщицы. Она заваривала огромную кружку кофе и наблюдала за тем, как убирается женщина, не придавая значения тому, как сильно ее смущает. Если уборщицы были молодые, то краснели и выполняли работу молча, если пожилые, особенно фру Редиго, иммигрантка из Португалии, то позволяли себе пускать колкие фразы вроде: «Не терпится самой попробовать? Хочешь, могу показать?».

С момента последней уборки прошло более трех недель, поэтому стол заполонили картонные стаканчики, пропахшие жженым сахаром. Жаклин бросила довольно весомую посылку на угловой стол из дешевого мебельного центра и забралась на стул в грязных сапогах. Кроме морозильной камеры из техники на полу стояли огромная кофемашина, какую обычно используют в сети ресторанов быстрого питания. Как и многие шведы, готовила она неохотно. Чтобы реже ходить за покупками, Жаклин замораживала даже те продукты, которые в заморозке не нуждались.

Отец ее был шведом, мать – исландкой. Все детство Жаклин провела в Норвегии. Акклиматизация в Швеции далась ей непросто. В коллектив ее приняли не сразу. Девушке пришлось испытать на себе глумление и предвзятость со стороны коллег. И все же профессионализм убедил не передразнивать ее акцент и манеру речи.

Жаклин вылила в раковину не допитый с прошлого раза кофе и бросила стаканчик в огромный пакет в углу. Засыпала молотые зерна в рожок и дождалась сигнала. Она не испытывала потребности в еде, но вот кофе пила неумеренно. Ее много раз предупреждали, но каж-

дый раз она вспоминала популярную шутку ученого, дожившего до восьмидесяти лет. О том, что кофе, должно быть, действительно яд, но крайне медленный.

Меньше пятнадцати кружек кофе в день Жаклин не выпивала. Если напиток под рукой не оказывалось, что случалось крайне редко, глотала кофеин. Коллеги справедливо шутили, будто кофе течет по ее жилам вместо крови.

Ее фаворитом оставался крепкий эспрессо. Однако в этот раз она порадовала себя огромной чашкой капучино. Картонные стаканы она закупала в ближайшем супермаркете, а кофе хранила в плетеных мешках, причем зерновой, и мелила сама в специальном отсеке кофеварки. Пожалуй, именно кофеварка оставалась самой дорогой покупкой за всю ее жизнь. И дело не в том, что это самая функциональная машина, какую ей удалось найти, но в том, что она вела действительно скромный образ жизни. Не болела вещизмом и не заботилась о внешности. Вот уже почти десять лет она носила то же прямое темно-синее пальто по колено с ярко-желтым воротником и кожаные туфли, редко подстригала светлые по грудь волосы и вообще не красилась. Львиную долю сэкономленных денег она бросала на банковский счет, который никогда не проверяла. Все, что ей требовалось, – это замороженный фаст-фуд, килограммы кофе и снус, который она хранила в ящике рядами. Телевизор она не смотрела, телефоном почти не пользовалась, а свет включала редко, поэтому счет за квартиру получала смехотворный. У нее не было родственников, которым приходилось дарить подарки. Единственный, за кем она ухаживала, добывал пададь сам. Время от времени она покупала ворону свежую мертвечину в мясной лавке и приносила кроликов по праздникам, но не больше. Птица соответствовала ее нетребовательности. Да и в остальном они были сильно похожи.

Она вернулась на стул с огромным стаканом, коробком снуса и конвертом под мышкой. Распечатала грубую бумагу и убедилась в том, что содержимое не отличалось оригинальностью и в этот раз. Довольно крупная сумма денег, которую она не планировала тратить. Для нее Жаклин открыла отдельный счет, часть которого отправляла на благотворительность, в суть которой не особо вникала.

Ей нечего было скрывать, поскольку ее личной жизни попросту не существовало. Если бы Жаклин была знакома с художественной литературой хотя бы косвенно, то могла заподозрить какого-нибудь спасенного ею каторжника, внезапно разбогатевшего в последние годы. Но за всю жизнь она не прочла ни единой книги, которая бы не касалась вычислительных технологий и криминалистики. К тому же среди людей, которых она спасала, каторжники не встречались.

Жаклин вынула резинку из кармана и перетянула ею стопку незаслуженно полученных денег. Она не знала точной суммы и считать не собиралась. Чужое – это чужое, а чужакам в ее жизни места нет.

На столе в ее отделе стоял большой календарь с пометками праздников Швеции. Праздновала она редко, но ее питомец на торжестве настаивал. Девушка уже слышала его стук в окно балконной двери и вернулась в коридор, чтобы бросить на стол мертвого кролика.

Она присвистнула, и ворон влетел на кухню из ее комнаты.

– День Мартина, – сказал он голосом электронного динамика.

– Знаю, – кивнула на мертвечину Жаклин.

– Гусь жареный, – впился в шею кролика тот.

Он был втрое больше убитого животного и все же не мог переварить его полностью, поэтому остановился на половине.

– Завтра есть не будешь, – лениво бросила Жаклин.

Ворон тряхнул головой и лениво доел остатки.

– Гусь жареный, – повторил он, раскрывая кровавую пасть. – Филиппики.

Жаклин подняла пакет с пола в коридоре и вынула небольшой искусственный венок.

– Вот и у нас Филиппики, доволен?

Птица кивнула и угнездилась на столе, сложив крылья.

– Что еще скажешь? – посмотрела на него прямым взглядом она.

Банко отвернулся, но долго выдержать на себе ее взгляд не смог. Собрал обглоданный скелет, слетел со стола и поплелся в комнату на лапах.

Она уже не помнила праздника без этой птицы. Без людей – сколько угодно. У нее не было близкой связи ни с кем. Даже с матерью. Мужчины редко обращали на нее внимание, потому что видели в ней скорее женственного мужчину, чем мужиковатую женщину. Некоторые полагали, что и одежду она покупает в мужском отделе. На самом деле нередко так и было. Жаклин не обращала внимания на то, что говорили вывески, знаки и прочие обозначения. Брала то, что нравилось, и то, в чем было удобно, как только рвалось предыдущее, и пробивала на кассе, не снимая. У нее был слишком низкий для женского голос. Некоторые продавщицы принимали ее за мужчину, соблюдающего моду на худобу, а порой даже заглядывались на нее. Жаклин в чувствах окружающих не разбиралась. Она вообще не умела читать мимику других. Выражалась чересчур открыто, предпочитала не сплетничать за спиной и невольно оскорбляла окружающих, чем выводила из себя почти всех. Например, когда одна из сотрудниц пожаловалась на узость дверного проема, выразила общую мысль беззастенчиво спокойно:

– По-моему, это вы слишком широкая. Остальные в нее проходят беспрепятственно.

Она всегда говорила прямо. При этом подтекст никогда не использовала и переносную речь не понимала.

В пятнадцать лет у нее диагностировали синдром Аспергера. О результатах теста психолог не сообщила. Зато слух быстро распространился, и с тех пор за девочкой укрепилась кличка Ганс в честь педиатра, давшего имя одноименному синдрому. Хотя многие черты позволяли усомниться в диагнозе. Она умела обращаться с печатным словом и говорила несколько манерно, используя довольно богатую мимику.

Некоторые сотрудники требовали ее увольнения, но увольнять ее никто не собирался, потому как свою работу она выполняла отменно. В полиции она проработала ровно половину своей недолгой жизни, а именно четырнадцать лет. На новую должность девочку поставил офицер полиции Отто Нильс. Как он ее встретил и зачем оставил в конторе, никому не было известно. Некоторые утверждали, что это якобы его внебрачная дочь или племянница, потерявшая родителей. Но до правды так никому добраться не удалось. Девочка сбежала из дома, и никто ее не хватился, а посему Отто решил, что и заявку подавать не стоит. Видимо, ушла она не просто так и не по своей вине. Да и какой родитель не возьмется за поиски дочери?

Когда он ее нашел, девочка не могла вспомнить даже собственного имени. Сначала назвалась Метте, но тут же дернула головой и поправила на Жаклин. В действительности у нее было двойное имя – Жаклин-Метте. Первое дала ей мать, второе – отец. Они спорили на протяжении всей жизни по любому поводу и каждый называл дочь по-своему.

С ее сестрой таких проблем не возникло. Может, потому что устали от спора и на вторую сил пререкаться уже не хватило. Младшую назвали Софи, и родилась она часом позже. Они были настоящими близнецами. Однако с каждым годом становились все менее похожими друг на друга.

Софи – утонченная и женственная, хрупкая и любвеобильная. Никаких синдромов ей никогда не ставили. В отличие от старшей сестры, она умела подчеркивать свою несомненную красоту. После развода родителей Жаклин воспитывал отец, а Софи – мать. И все же сестры имели ничего общего еще до распада семьи. Софи укладывала и играла в снежки, а болезненная Жаклин высчитывала корни на снегу.

Все было предreshено, еще когда отец девочек поднял руку на беременную мать. С первым криком и ее слезами, стало понятно, что брак не удался. Рано или поздно он бы все равно раскрошился, и собрать его не смог бы даже самый профессиональный семейный психолог.

Мать терпела мужа еще шесть лет и подала на развод. Права на опеку остались за ней, но муж согласился разорвать узы при условии, что за ним останется негласное право попечительства над одной из дочерей. В результате Жаклин переехала с ним в Норвегию, а Софи с матерью остались в Исландии. Первая сбежала из дома в четырнадцать, вторая – только в двадцать два, и то на деньги матери. Сестры встречались несколько раз в год на севере. Теперь, когда Жак снимала скудную квартиру в Швеции, а Софи приобрела дом в Дании, виделись и созванивались они чаще, но неизменно по инициативе младшей сестры.

Жаклин пользовалась только сотовым телефоном, поэтому на странный сигнал домашнего не среагировала. Поставить его обязал муниципалитет. После трех сигналов продолжительностью в двадцать секунд она опомнилась и пошла в комнату, такую же грязную и без излишеств.

– Жак? – ласково спросила Софи. – Ответь, пожалуйста, если меня слышишь. Чтобы мне, как в прошлый раз, не пришел огромный счет за твоё молчание и моё ожидание.

– Да, – нажала кнопку она.

– Жак? – удивленно повторила сестра. – Неужели это правда ты? Я уже целый месяц не могла до тебя дозвониться. Я читала твою последнюю статью о Дании. Мне очень понравилось. У тебя удивительный талант. Тебе платят? Ну, разумеется, платят! Но сколько? Я слышала, репортеры зарабатывают не так много. Но ведь это не твоя основная работа, верно?

– Мда, – кивнула Жаклин, не вникая в речь сестры и покручивая иголки пихтовой ветви. – Да, наверное.

– Да, наверное – что?

– Наверное.

Жаклин баловалась тем, что отправляла заметки о городах, по которым путешествовала. Дома она была редко, поэтому его состояние ее заботило слабо. Она не задумывалась над дизайном квартиры и расставляла дешёвую мебель по примеру демонстрационных каталогов. Угловой стол и цветастая ширма, рабочий стул и кресло-мешок, стеклянный стеллаж и подвесные лампы, вытянутые вдоль стены. Она предпочитала, чтобы о дизайне заботились другие. Даже если мебель ломалась, она оставляла её до истечения гарантийного срока и выкидывала ещё целую по той же причине. Могло показаться, что она не большая поклонница комфорта, но на деле просто не хотела тратить время на испытание вкуса.

Большую часть времени Жаклин проводила в Швеции. Но пять из двенадцати месяцев отдавала предпочтение другим странам Европы. В основном северным. Своей родине и детским воспоминаниям в Исландии, новому дому сестры в Дании, Финляндии с постоянной комнатой в отеле. Помимо Скандинавии часто навещала и те страны, языки которых умела свободно использовать: Чехию, Германию, Австрию. Иногда ездила и в более теплые южные уголки европейского полуострова. Больше всего любила отдыхать в Греции. К ней её тянула какая-то необъяснимая сила и обаяние древности. Но там она любила именно отдыхать. В остальных странах она работала и не переставала набрасывать заметки о путешествиях в Европе, за пределы которой так ни разу и не выбралась.

– Но это была Дания, – судя по голосу, огорчилась Софи. – Значит, ты отдыхала там и между делом не могла навестить родную сестру?

– Я там работала, – спокойно ответила Жаклин.

И все же сестра привыкла подвергать сомнениям её высказывания. Она единственная не замечала её странностей.

– Тебе у меня не нравится?

– Нет, – открыто призналась Жаклин. Слишком броское в розовых и персиковых тонах окружение откровенно её раздражало. – Видимо, у меня нехилая аллергия на такие цвета, – посчитала нужным пояснить она.

Дом Софи лопался от всевозможных инноваций. Она приобретала приспособления для всего. Даже приспособления для других приспособлений. Сестра умела находить способ истратить зарплату в три счета. Она видела прелесть в мелочах, а крупные покупки ее угнетали, поскольку от них веяло чем-то обязывающим.

– Хотела бы я посмотреть, как ты живешь, – попыталась намекнуть Софи.

– Хорошо, – только и ответила Жаклин.

– Да, ну что ж... Если не хочешь меня приглашать, я могу приехать без приглашения.

– Я просто не хочу тебя приглашать, – совершенно беззлобно ответила она. – Да тут и не на что особо смотреть.

Она бросила взгляд на почти тюремную ванную, огороженную от комнаты почти прозрачной ширмой. С потертой серой плиткой и крошащимся полом. Нигде в мире она не чувствовала себя комфортнее.

– Разговор закончен? – уточнила Жаклин.

– Я хотела узнать, как у тебя дела, только и всего.

– Тогда ладно.

– Так как у тебя дела?

– Ну, – растерялась Жаклин. – Это вопрос метафорический или обязывает к ответу?

– Второе. Я хочу услышать от тебя хоть какую-нибудь реплику.

– Тогда нормально. Теперь все?

– Не хочешь поинтересоваться, как дела у меня? Так, хотя бы вежливости ради.

– Этот вопрос несет в себе негатив.

– Джерри меня бросил, если хочешь знать, – дрогнул ее голос. – Он мне изменил.

– О, – коротко отреагировала она. – Досадно. А кто такой Джерри?

– Сначала я нашла номер в записной книжке, затем позвонила на него, – пропустила ее вопрос Софи. – Ответила женщина и представилась его коллегой. Я вскрыла его переписку и... Там были такие гадости, даже передать сложно.

– Гадости? – нахмурилась Жаклин. – Касаемо половых сношений либо в прямом смысле? Эвфемизмом это назвать сложно.

– Я от него ушла, – заключила Софи.

– Это должно быть по настоящему сильным для тебя ударом, ведь по сравнению с другими связями эта продлилась довольно долго.

– Я видела его своим супругом, отцом моих детей.

Ее слова прерывал стук клюва о балконное стекло. Жаклин положила трубку, чтобы открыть окно, а когда вернулась, поняла, что существенных изменений не произошло.

– ... с этой шлюхой! Прямо в моей кровати. А он казался мне... Ведь он почти на руках меня носил.

Жаклин поставила телефон на громкую связь и отправилась на кухню за новой порцией кофе. Гнев Софи прорывался сквозь бурление воды отрывками.

– Это ведь... он убедил меня... он обещал, что... ведь в нем ничего... он мало... не красавец... и не такой уж умный... все, что он мне обе... как только я в него...

На последней фразе Жаклин взяла трубку, положила на плечо и зажала ухом.

– Ты ничего не хочешь добавить? – срывался голос девушки. – Утешить меня, например? Ты мой единственный родной человек.

– А как же мать?

– Она в тысячах от нас километрах. Территориально ты ближе.

– Но, если я не ошибаюсь, на телефонные разговоры пространственные ограничения особо не влияют.

– Конечно, ошибаешься! Мне бы хотелось, чтобы ты была рядом. То есть я и так тебя чувствую, но если ты положишь руку мне на плечо, это по-настоящему меня обяжет. Или хотя бы сделаешь вид, что тебе не все равно. Ведь тебе все равно?

Жаклин размешивала кофе пластмассовой ложкой. Она не умела притворяться, и сестра прекрасно это знала. Заиграла более привычная ее слуху музыка – монофония мобильного.

– Мне нужно идти, – прервала поток сестры она. – Если есть что-нибудь информативное, можешь позвонить через три минуты. Разговор с коллегами в среднем длится именно столько.

– Что? – было слышно, как хмурится Софи.

– Уже, – бросила взгляд на часы она, – восемь с половиной минуты я слышу одну новость в разных вариациях.

– Жак, что если я покончу с собой? Что если через день тебе придется рассматривать мое дело? Вынимать мое тело из петли?

– Судя по тону, это крупное преувеличение. К тому же люди, склонные к суициду, в действительности о планах сообщают лишь в пяти процентах. Не думаю, что ты в них входишь.

Софи замолчала, и Жаклин поспешила вернуть трубку рычагу, прежде чем та опомнится.

На экране мобильного высвечивалось имя старшего следователя Уве Ингмана. Мужчины средних лет, взбитого телосложения, грушевидным лицом и узкими глазами, затянутыми морщинами. О расследовании он узнавал первым после секретаря отдела, а уже затем сообщал девушке. В свою очередь она созывала команду, чтобы отправиться на место преступления немедленно. Ей доверяли не только по причине профессионализма и даже какого-то педантичного перфекционизма, но потому что кроме работы у нее ничего не было. Она не пыталась придумать отговорки, связанные со здоровьем члена семьи или торжества у родственников. Она не отмечала праздников, а потому могла появиться на месте преступления даже в Рождество. Ей некого было оставлять, и она могла отправиться в любой уголок Европы. Более того, у нее были минимальные потребности, минимальные требования. Она довольствовалась любыми условиями, предложенными страной-заказчиком. Своя полиция есть в каждом государстве, но не в каждой находились те, кто умел работать круглосуточно, без пищи и сна. Она не числилась полицейским, потому что не имела образования. В конторе ей присудили звание старшего детектива, но неформально, и никакая бумага этого не подтверждала. Ее могли уволить в любую минуту.

И в то же время не могли. Таких ценных сотрудников, как она, упускать никто не собирался. И несмотря на то, что она никем не значилась, ей платили. Не больше и не меньше, чем остальным. Хотя работала она страстно и не позволяла себе халтуры и малейшей лени. Жаклин не давала себе спуска и бурлила неисчерпаемым терпением и настойчивостью. Она просто не умела оставлять дело на полпути, бросать за неимением улик. Она вгрызалась в него, порой пренебрегая тактичностью. Когда требовалось сообщить членам семьи о смерти родственника, обычно пользовались только ее услугами. Она не реагировала на чужие слезы и боль, и не умела выразить соболезнование.

– Жак, у нас тело, – лаконично сообщил он.

– Спасибо.

– За что? – удивился мужчина.

– За лаконичность.

– Местоположение на твоём навигаторе.

– Спасибо.

– За что теперь? – вздохнул он.

– За оперативность.

– Успел сбросить, пока ты поднимала трубку. Так долго я до тебя еще не дозванивался.

– Здесь другое. Еще хуже.

– Верю на слово. В общем, покидай свой жирный район в центре и отправляйся на север. Там, где не так много людей и демократичные цены.

– Я живу не в таком уж и центре. Какой район? – спросила у гудков она и потянулась за ключами от машины, матово-черного «Шевроле Тахо» с мощной решеткой на бампере.

Автомобиль принадлежал участку, причем всему отделу, но находился в ее пользовании вот уже семь лет с момента получения прав, а вернее, их покупки. Никто другой на него не претендовал. На нем она исколесила сотни тысяч километров по всей Швеции, большей части Скандинавии, внушительному списку городов Европы. Но только те, что прилегали к Швеции. Длительные поездки ее не напрягали, но изнашивали двигатель. Когда требовалось пересечь несколько границ подряд, она не рисковала и прибегала к услугам авиалиний.

Птица услышала звон ключей и громко каркнула.

– Путь неблизкий. Не уверена, что тебе придется по вкусу, – потрепала его за перья Жаклин. – Лучше отдохни здесь. Если хочешь, включу телевизор.

– Сам умею, – забил крыльями Ванко.

– Тебе ведь нравилась какая-то передача. Что-то связанное с кухней. Кстати, вот что я тебе еще не показала.

Она полезла в потрепанную сумку и вынула шар, усыпанный бисером и блестками.

– Думала, тебе понравится. Купила на площади Сергельс-торг.

Жаклин не имела понятия о хорошем вкусе, поэтому в торговых центрах собирала в корзину первое, что попадалось на глаза. И только кофе или книги она могла выбирать часами. Стоять у полок и принюхиваться к запаху свежих зерен или свежотпечатанной бумаги.

Чтобы усилить эффект от подарка для птицы, Жаклин включила настольную лампу. Ванко успокоился и замер, наблюдая за игрой блеска. Да и сама девушка не заметила, как им увлеклась. Эстетика не сильно ее привлекала, и все же разноцветный перелив разбудил в ней тоску. Она думала о том, как редко замирает вот так напротив обыкновенного предмета, элементарного и не требующего размышлений. Когда снег растает, она будет вынуждена от него избавиться, люди перестанут быть такими же открытыми, как за неделю до и в ночь Нового года. Они сами определили, когда приходит время превращаться в зверей. Сами установили неопределенный и нечеткий срок радости в триста с лишним дней и так же сами отменили его. От этого Жаклин хотелось праздновать еще меньше.

До четырнадцати лет она исправно отмечала все зимние праздники вместе с семьей. Но одна рождественская ночь провалилась в ее памяти. Отец напился до такой степени, что перестал различать лица жены и детей. Обычно руку на последних он не подымал, но в тот момент ему было плевать, с кем устраивать разборки. Он определил врага номер один – собственную жену – и погнался за ней с топором, а когда шестилетняя Жаклин перекрыла ему дорогу к матери, шлепнул ее по лицу деревянной рукояткой. Девочка упала в снег у сарая и потеряла сознание. Софи в это время забилась в углу и тихо поскуливала. Отец уронил топор и схватился за голову. Он первым бросился вызывать скорую помощь и кричал на машиниста за медлительность и на врачей за некомпетентность. И конечно на жену, которая потеряла дар речи от его действий и заикалась еще месяц. Чтобы избавиться от расстройств, пришлось прибегнуть к помощи логопеда.

На следующий день Жаклин ничего вспомнить не смогла. Ничего, кроме своей злости на отца. Если бы отложились его действия, она убежала бы из дома в тот же день.

Она не понимала мать. Почему она терпела так долго? Чего боялась? Неужели полагала, будто все наладится? Беспечная Софи кардинальных методов не одобряла и даже упрасивала родителей перед входом в суд не разводиться. Жаклин даже шлепнула ее по лицу за глупость, трусость и эгоизм.

– А разве ты не эгоистка? – спросила младшая со слезами. – Ты ведь ради себя стараешься их посорить!

Жаклин растерялась и не нашла, что ответить. Позже она мечтала высказать то, о чем думала тогда. Взрослым и, вероятно, грубым языком.

Из мыслей ее выдернул очередной звонок Уве.

– Я не вижу, как перемещается твоя звезда на мониторе. Ты застряла в снегу или кончился бензин? Послать помощника?

– Нет, я смотрела на елочную игрушку.

– А, – он не нашелся, что сказать.

– Выхожу, – бросила птице она и включила телевизор. – Пульт на кресле-мешке. Не заляпай, если будешь на нем есть.

– Закрой, – напомнил ворон, и Жаклин развернулась по кругу, чтобы забрать ключи с кухни, а заодно почесать его шею в знак благодарности.

Она не раз забывала запирающую квартиру на замок, но обчистить ее еще ни разу никто не рискнул.

Жаклин занимала половину пролета на седьмом этаже в узкой серой высотке на краю центра. Один из самых бедных и запущенных домов забытого квартала. Лифт никогда не работал, и спускаться и подниматься приходилось пешком. Кроме этой короткой физической нагрузки девушка себя ничем не утомляла.

Внедорожник она ставила почти у дверей. Старый-добрый «Тахо», негласно именуемый соседями «гробовозкой» из-за непроницаемо-черных окон, украшало несчетное число царпин

Как только двигатель завелся, вспыхнул навигатор с новым пунктом назначения. Пятьдесят миль пути.

Отовсюду раздавались приятные запахи свежесваренного кофе и свежеспеченных булочек. Уже на пятом километре она не выдержала и остановилась у ближайшего кафе.

Еще через милю повеяло выпечкой. Она не скрывала страсть к сладкому и заскочила за медовым барашком в уже проверенную пекарню.

Тридцать миль спустя город покрылся синими красками. Жаклин съехала с главной трассы, и очень скоро показались яркие вспышки фар и мигание алых сигналов. Она остановилась и нехотя покинула нагретый салон автомобиля. Ей нравился ненавязчивый мороз конца декабря. Ее успокаивали воздух, нагретый большим скоплением людей, и одновременная свежесть холода. Где-то над городом пускали фейерверки, фрагменты которых были заметны даже и с ее перспективы.

– Очень вовремя, – буркнул Уве, подходя к Жаклин со спрятанными в карманах руками.

С его комплекцией, мороз совершенно его не беспокоил. Он расстегнул пальто, выглаженное заботливыми руками жены. От Уве пахло перегаром вчерашнего застолья. Он явно забыл побриться и, казалось, еще не проснулся.

– Тело спрятано не так уж искусно, – пояснял он по дороге к ели.

– Хотели, чтобы нашли как можно быстрее?

– Скорее всего. Сомневаюсь, что это, – кивнул он на тело, привязанное к дереву гирляндой, – несчастный случай и неосторожное сокрытие улики.

Труп еще дымился. От замкнувших огней пахло гарью и жженой кожей.

– Значит, у него какая-то еще для нас новость, – предположила девушка, опускаясь рядом с телом.

Жаклин надела перчатки и чуть пригнулась. Обугленное лицо напоминало крошащийся угольный мелок. Она коснулась носа, и тот частично осыпался.

– Думаю, так делать не стоит, – сказал Уве. – Иначе личность нам не установить.

– Он не хотел, чтобы мы узнали, кто убит? Сомневаюсь, – размышляла вслух она.

– Если родственников у него нет...

– У нее, – исправила Жаклин.

– У нее? – удивился один из полицейских, тощий, ярко-рыжий аспирант по имени Лок Аспен.

Жаклин выкопала из снега золотую серьгу и покрутила ею перед носом у молодого ученика.

– Может, он модник? – предположил тот.

– Модник? – нахмурилась Жаклин. – Не думаю, что для мужчин ходит мода на серьги с такими большими камнями.

– Видимо, Она весьма обеспеченная, – заключил Уве.

– Очень может быть, – протянула девушка. – Скорее всего выше среднего достатка. Такое украшение обошлось ее обладательнице не в одну сотню крон.

– Да ты, погляжу, большой знаток побрякушек, – ухмыльнулся Уве и добавил, заметив ее растерянность: – Ладно, не бери в голову. Так, значит, она богата, поэтому мотивом вполне может стать ограбление.

– Вряд ли, – усомнилась Жаклин. – Профессиональный вор не мог не заметить чистоту камней. Скорее всего, убийство несло какую-то ритуальную подоплеку. Он должен был что-то для нас оставить.

Она просунула руку под обугленную куртку и расстегнула замок.

– Что ты делаешь? – зашипел Уве, оглядываясь по сторонам.

Жаклин оголила грудную клетку с явно женской грудью и крупной дырой слева. Пригнулась, чтобы заглянуть в содержимое, и поднялась. Аспирант отбежал, чтобы прочистить желудок, а Уве потер переносицу и устало отвернулся.

– Вырезал сердце, – заключила она, стягивая перчатки.

– Намек на то, что женщина разбила ему сердце?

– Как одна из версий.

– Насколько же сильно нужно обидеть, чтобы вырезали сердце?

– Да он явно болен! – вскричал юноша, отирая рот. – Разве не понятно?

Грянул очередной взрыв, и снег снова окрасился цветными огнями.

– Самое время, – пробурчал мужчина.

Жаклин потянула за конец гирлянды и пошла, словно по тросу, освобождая нить от снега. Гирлянда уводила от места убийства все глубже в лес. Уве отвернулся от живописного салюта, последовал за девушкой и остановился в паре метров, когда замерла та.

– Что-то есть? – спросил он, наблюдая за тем, как она убирает за ухо светлые волосы, и роется в снегу.

– Да, кажется, что-то есть, – тускло ответила она, вытягивая ручку сумки.

Ничего особенного в ней не оказалось. Кошелек, маленькая косметичка и фотография, с которой смотрел мужчина старше сорока. Довольно полный и небритый. Строгий фас, будто с паспортного образца. На обратной стороне было выведено: «Он меня убил».

– Да, определенно что-то есть, – заключила она, убирая фотографию в карман.

Глава 2

Главный секретарь отдела расследований Соня Иккерман поставила в центр стола поднос с чашками кофе.

– Делаем фику, иначе у меня голова лопнет.

– Нет, не делаем, – протянул дрожащие руки Виктор Браги, вечно возбужденный и гиперактивный молодой человек, жаждущий новой дозы кофеина. – Нет, не лопнет.

– Расслабься, – потрепала его и без того неаккуратные кудри она. – Мы никуда не спешим.

– Нет, спешим, мы спешим, – подскакивали его колени.

– Результаты почерка у нас на руках, – бросил на стол файлы вошедший Уве. – Совпадение почти стопроцентное. Почерк женский.

– Почерк легко подделать, – заметила Жаклин.

– По-моему, ситуация как ясный день проста, – вступил Лок. – Она знала, кто ее убьет, потому что чем-то ему насолила.

– Святая простота, – усмехнулся Уве.

– Почти паспортная фотография вряд ли принадлежит обыкновенному знакомому, – согласилась Жаклин. – Но и не уголовнику. В базе данных его нет.

– Мы отправили фотографию в поисковик, – сообщила Соня.

– Если чертов наркоман там не работает, мы ничего не обнаружим, – заметил Лок.

– А его там и нет, – кивнул немного успокоенный Виктор. – Мы не можем с ним связаться.

Или он не хочет выходить с нами на связь.

– Единственный, с кем он выходит на контакт, это ты, Жаклин, – наклонил голову в наемке Уве. – Ты его единственный друг, если можно так сказать.

Девушка не поняла ни намека, ни цели обсуждения и посмотрела на всех по очереди.

– Мы имеем в виду Тоби, – подсказал Уве.

Жаклин кивнула и сглотнула кофе.

– Поможешь его найти? – уже совсем открыто спросил он.

– Сегодня же сделаю, – сняла всеобщее напряжение она.

Тоби она знала уже семь лет с его криминальных шестнадцати, когда он угодил за решетку за взлом банковского счета в первый раз. Именно она помогла ему устроиться в отделе и заработать первые законные деньги.

Тоби не скрывал пристрастий к наркотикам, хотя и старался с ними бороться. В семнадцать его задержали за выращивание марихуаны на балконе. У соседки снизу была на нее аллергия и отсутствовала проблема с нюхом. Она стучала к нему в квартиру не единожды, но так и не прорвалась через волны тяжелой и невозможно громкой музыки. Помимо этого мальчик сквернословил, много пил и устраивал частые вечеринки с девушками из неформальных баров. Но чего у него отнять было нельзя, так это талант

– Без него бы мы многое не выяснили, – справедливо заметил Уве. – Простите, но в нашем отделе работают полные идиоты. Даже я со своим скромным стажем в сети разбираюсь лучше.

– Не надо извинений, – согласилась Жаклин. – Ведь это правда.

– Нам нужно найти не только этого парня, – перевел тему Уве. – Не менее важно установить личность убитой. Я хочу, чтобы Тоби занялся именно этим.

– Соня, поторопи этих кретинов из информационного центра. Пусть печатают фотографию в газетах и журналах, вешают на столбах – что угодно, если не хватает мозгов найти по фото из паспорта.

– Мы не знаем, сколько дней она пролежала в этом лесу, – заметила девушка.

– Ты уже говорила с Чарли?

Над Чарли Паталисом насмеялся весь отдел. Никто не знал, почему настолько эмоциональный и восприимчивый к насилию молодой человек выбрал профессию патологоанатома. Он боялся одного вида крови.

– Это я собираюсь сделать прямо сейчас, – не дожидаясь одобрения, поднялась она.

Уве закивал.

– Вы объявите перерыв? – уточнила она, застыв у двери.

– Перерыв, – подала знак остальным Соня.

Жаклин дождалась, пока поднимутся окружающие и направилась по коридору к лифту. Она не подозревала, что после этой мизансцены все вернулись к обсуждению. Девушка спустилась на подземный этаж, в кабинет Чарли сохранялась минусовая температура.

Обугленное тело лежало на кушетке в центре кабинета. Эксперт затягивался мятной электронной сигаретой и потирал подбородок. Невероятно худощавый с искривленным носом и слишком темными для его светлой кожи бровями он выглядел еще более бледным, чем обычно.

– Чего ты так испугался? На ней же ни капли крови – попыталась улыбнуться Жаклин.

– Кровь есть на каждом трупе, – тускло ответил он. – Это женщина, ты была права. Судя по органам, не старая, но и не молодая. Средних лет.

– Сорока?

– В этом районе. О здоровье заботилась – видимо, деньги позволяли, – но старость ничем не обманешь.

– Ее обеспеченность нам это на руку. Скоро ее хватятся.

– Есть и неприятная новость, – поджал губы Чарли. – По грибы она ходит уже четверо суток, поэтому кровь запеклась сильно. Дымилась она, потому что лампы работали еще какое-то время после смерти.

– И никто до сих пор о ней не вспомнил, – протянула Жаклин. – Довольно странно для обеспеченной женщины.

– Согласен, – печально кивнул он. – Итак, жертва ни насилию, ни грабежу не подвергалась.

– Она девственница?

– Думаю, что нет, – не смог скрыть улыбку Чарли. – Ей за сорок.

– То есть она замужем?

– То, что она не девственница, не обязывает ее быть замужней.

– То есть она спала с мужчинами будучи свободной? – серьезно продолжила допрос она.

– Ведь это не преступление, – развел руками эксперт.

– И сколько у нее было мужчин?

– Я... Подожди, мы говорим о принудительном сексе перед убийством? Остальные связи нас не интересуют. Она могла хоть групповые вечеринки устраивать!

– Групповые? Что это значит?

– Ну... – смутился мужчина.

– Звучит интересно. Потом расскажешь, – оборвала мужчину она, обходя кушетку по кругу. – Кстати, не хочешь совокупиться?

– Что? – заговорил шепотом он. – Мы ведь с тобой давние друзья.

– Да не такие уж мы и друзья.

– Я фигурально выражаюсь. Просто я не готов к серьезным отношениям, – начал запи-
наться через слово он.

– А кто говорит о чем-то серьезном? – смутилась девушка.

– Жена только что меня оставила, и я...

– Этот долгий монолог меня успокоил. Есть что добавить?

– К чему? – окончательно растерялся он.

– К делу.

– А, – собрался Чарли, поглядывая на девушку искоса. – Цепь замкнули, женщину ударил мощный поток энергии. Волосы загорелись мгновенно, поэтому так сильно обуглилось лицо. Ее убили днем, если ты об этом. Примечательно, что убийство произошло днем.

– То есть убийца действительно не боялся быть пойманным, – рассуждала Жаклин. – И хотел, чтобы жертва видела его лицо. К чему эта демонстрация?

В порыве мысли она покинула кабинет эксперта и продолжала думать вслух в лифте и на выходе из отдела, не обращая внимания на других сотрудников.

Компьютером дома Жаклин предпочитала не пользоваться. Вместо этого она сидела за самым маленьким отделением, огражденным самой высокой ширмой, и почти без света и в отдающей эхом тишине. Тоби она обнаружила почти мгновенно. На связь он не выходил, потому что заблокировал все страницы и адреса с последней их совместной работы.

«Не хочешь заработать?», – бросила ему в ящик она и тут же добавила:

«Я про честный заработок».

«Ты из отдела?» – пришел ответ через пару секунд.

Она позволила ему найти ответ собственными силами.

«Кто мог взломать мой сервер?»

«Жак?»

«Бинго. Так как насчет работы?»

«Тебе я всегда рад помочь».

«Хотя деньги у меня пока имеются».

«Ты же знаешь, что пока есть что пить, я работы не ищу».

«А ты знаешь, что я могу в любой момент устроить облаву на твой притон?»

«И ты не успеешь убрать свои кусты под кирпич над окном».

«Или в дыру за шкафом».

«Или в морозильнике».

«Я понял».

«Хорошо».

«Облаву я тебе все равно устрою».

«Но ты же обещала!»

«Разве?»

«Нет, прочла переписку и убедилась, что действительно ничего не обещала».

«Я спросила – хочешь? Ты не ответил. Значит, хочешь».

Жаклин отсканировала одну из копий подозреваемого и отослала на почту Тоби.

«Но это не так важно», – приписала она.

«Ну и за каким чертом ты мне тогда это шлешь?»

«Чтобы понял, от чего отталкиваться. Это может как-то помочь в установлении личности погибшей. Куда важнее именно это. Разузнай, какая обеспеченная женщина пропала четыре дня назад. До связи».

«П. С. Мне деньги не нужны».

«П. П. С. Я и не собиралась платить».

Она отключила процессор и откинулась на спинку стула. За окном висело матово-черное покрывало. Стрелка застыла на одиннадцати. Из информационного отдела люди утекали уже после шести. В дверях просторного зала появилась кудрявая голова Сони Иккерман. Она уже знала, что дверь кабинета закрывать не стоит, даже когда рабочий день кончен. Жаклин устанавливала свой график. Могла приехать под вечер и остаться на всю ночь.

Секретарь поставила на ее стол маленькую чашку эспрессо и ласково улыбнулась.

– Отдохни немного, а я послежу за сообщениями о подозреваемом в прессе.

– Угу, – запихала под верхнюю губу снус Жаклин. – Не думаю, что информатором будут СМИ. Мужчина со снимка не публичный человек, и знать его должен кто-то столь же непубличный. Нужно развесить больше портретов где-нибудь на фонарях и на входе в подъезды. Тогда звонки поступят от местных. Наблюдайте именно за телефоном и не уделяйте слишком много внимания телевидению.

– Хорошо, я вызову нескольких девочек, – успокоила следователя Соня. – Чтобы посмотрели за телефоном в мое отсутствие. Мы будем чередовать перерывы.

– Я рада, – бросила Жаклин, опустошив чашку одним глотком.

Уже через минуту она пристегивала ремень безопасности. Кофеин быстро исчерпался, и последние пять минут езды голова ее периодически падала на грудь. Она прибавила газу, чтобы не потерять управление, и поспешила припарковаться у тротуара своего дома.

Жаклин втянула ночной зимний воздух. Многие окна, несмотря на поздний час, еще горели. Жаклин закурила единственную сигарету, завалявшуюся во внутреннем кармане пальто, и вскинула голову на незанавешенную личную жизнь. Какой-то мужчина со второго этажа пил чай за круглым столиком кухни, ребенок наблюдал за скудным видом из окна, подперев щеки кулачками, женщина разбирала только что поступивший заказ и мерила новые туфли.

Из круглосуточной пекарни за углом повеяло печеными яблоками, булочками с корицей и кофе с банановым сиропом. Ухватив ноты кофеина, Жаклин приободрилась и забыла о сне. Пересчитала монеты и направилась в заведение, не успев докурить. Знакомая официантка, а по совместительству кухарка и владелица, попросила затушить никотин и протянула меню, которое девушка знала наизусть.

Жаклин расположилась на любимом высоком стуле у окна. Она была единственным посетителем и, пожалуй, самым постоянным. И дело было не в том, что ей нравилось именно это место. Она посещала несколько заведений в день за новой порцией кофе, не ограничиваясь кофемашиной у себя или бесплатным автоматом в участке.

Дома Жаклин опустила в покрытую ржавчиной ванну за ширмой. Пахло сыростью и даже каким-то гниением. Она подумала, что в таких случаях следует вызывать сантехника, к услугам которого она еще ни разу не прибегала. Потолок раскрошился. Посторонний звук, означающий очередной сорвавшийся со стен пласт, напоминал о ремонте, которого она еще никогда не проводила. Это была ее и одновременно не ее квартира.

Девушка поставила пластмассовый стаканчик с кофе на подставку для ноутбука, но была так измотана морально и физически, что не сумела до нее дотянуться и уснула прямо в ванне.

Ее разбудил звонок сотового из кармана пальто, брошенного на пол. Она вздрогнула и поежилась от воды, успевшей остыть за пару часов. Жаклин осмотрела свое посиневшее от холода тело и подняла телефон.

– Сколько времени? – бросила она, не взглянув на экран.

– Шестой час утра, – ответила Соня. – Я дежурила всю ночь. Звонок поступил две минуты назад, и первым делом я решила позвонить именно тебе.

– Все правильно, – откинула мокрые волосы Жаклин и набралась мужества вырваться из холода.

Конечности онемели. Сначала девушка разогрела пальцы на ногах, затем поднялась и покачнулась. На воздухе оказалось еще холоднее.

– Ванко, ты открыл окно? – крикнула она в комнату и продолжила в трубку. – Дальше. Птица вылетела из-за ширмы и опустилась на почерневшую раковину.

– Ванко будил, – отчитался ворон.

– Жак? – напомнила о себе Соня.

– Я вся слух, – положила под ухо трубку она, согреваясь полотенцем, и тяжело закашляла.

– Судя по голосу, ты простудилась. Прими что-нибудь от гриппа. В такое время это нередкое явление.

– Все это не слишком информативно.

– Хорошо, перейду к делу. Кажется, наш подозреваемый найден. Позвонила пожилая женщина и представилась его соседкой

– Где он живет?

– В том-то и дело, что больше нигде.

– То есть? Он безработный?

– Он умер два месяца назад и уже захоронен. Уве сбросит адрес его соседки.

– Это не столь важно.

– Ты не собираешься ее опрашивать?

– Собираюсь. Но еще я собираюсь разведать кладбище этого парня. Как его имя?

– Михаэль Сванссон.

– Говорит о чем-нибудь?

– Еще как, – тускло признала Соня. – Два месяца назад этот парень разбился на машине бывший автомеханик. Просто забыл проверить тормоза перед тем, как выезжать.

– Автомеханик, не проверивший тормоза собственной машины?

– Неаккуратный механик. Бывает и такое. В каждой профессии встречаются гнилые зубы.

Повисла долгая пауза.

– Плохие исключения, – добавила Соня. – Уве в участке. Говорит, что сбросил адрес. Можешь выезжать. Старушка живет напротив механика. Не бойся ее беспокоить. Она с четырех на ногах. Хотя у тебя с беспокойством все просто.

– Выезжаю, – хлопнула крышкой старого дешевого телефона она и набросила единственные вещи в своем гардеробе: штаны под кожу, мужскую рубашку и голубое пальто с ярким воротником, по которому ее узнавали с дальнего расстояния.

На готовку кофе времени она решила не тратить, поэтому купила в придорожном кафе. Навязчивая сладость сводила челюсти, поэтому она остановилась, чтобы выбросить стаканчик и купить эспрессо без каких-либо наполнителей.

Дом автомеханика располагался в тридцати километрах от нее, на юге города, недалеко от Лесного кладбища, где предали земле мужчину. Такой же небогатый квартал и дешевые квартиры. Жаклин вспомнила о том, что мужчина умер сегодня только для ее перспективы, поэтому квартира не просто не обнесена полицейской лентой, но принадлежит другим владельцам – довольно бедной многодетной семье. Женщина тридцати с небольшим лет согласилась ответить на все вопросы с условием, что будет кормить при ней младенца.

– Вы не имеете ничего против? – убедилась в последний раз женщина.

Для своего возраста она выглядела прекрасно. Ее не портили ни растянутый шерстяной свитер, ни безвкусные меховые угги.

– Нет, все же мне как-то неудобно, – улыбнулась она, засовывая ребенку пустышку в рот.

– Так снимите свитер, – посоветовала Жаклин.

– Я не в том смысле, – улыбнулась она шире. – Мне перед вами неудобно, а не физически.

– В нас не так много отличий, чтобы их стесняться.

– Вас интересуют мои персональные данные? – вернулась к теме хозяйка.

– Нет-нет, меня даже имя ваше не интересует. Но для протокола потребуется.

– Тогда Наташа Гуттенберг. Мы переехали в Швецию совсем недавно и купили эту квартиру уже после смерти владельца, поэтому мало о нем знаем.

– Мы обмениваемся вот уже пятой репликой, а кофе вы до сих пор не предложили.

– Простите, – спохватилась хозяйка. – Это так на меня не похоже. Обычно я сразу предлагаю гостям что-нибудь выпить.

– Молотый или растворимый?

– Простите?

– Вы пьете молотый или растворимый?

– Люблю молотый, но пью растворимый, – смущенно улыбнулась она. – В этом месяце зарплата у мужа совсем паршивая.

– Значит, обойдемся без него, – усадила ее жестом следователь. – Мне и это очень неинтересно, и все же, откуда вы родом?

– Великобритания, Ливерпуль. Вы когда-нибудь там были? В нашем регионе ситуация была совсем обратной. Рабочих мест никаких. Муж поставил последние деньги на рулетку. На эти деньги мы бы все равно долго не протянули, а так был какой-то шанс на удачу и быстрый заработок. Мы смогли переехать, и государство предложило ипотеку.

– Значит, этот дом принадлежит государству?

– У прежнего владельца родственников не было. Об этом мы узнали уже после въезда. В конторе нам о ее судьбе ничего не рассказали. А вот соседка знает больше, чем надо...

Пустышка выпала из губ младенца, и тот разразился криком. Из комнаты выбежал мальчик пяти лет, потирая сонные глаза, такие же большие, как у женщины.

– Ложись, спи, милый, – кивнула ему мать. – Ничего не случилось.

Мальчик вернулся в комнату, не отводя взгляда от незнакомки.

– Это мой старший, – с нежностью пояснила хозяйка. – Есть еще дочь. Так вы от кофе отказались? Справедливо. Но можете попросите у соседки. Она часто сует нос не в свои дела. Кроме того, рассказывает то, что нам знать вовсе необязательно. И любит хвастаться тем, что у нее новое все-что-только-можно-представить.

– Да, – по инерции поднялась Жаклин и направилась к двери в коридоре.

Женщина проводила ее взглядом и рассеянной улыбкой. Но у самой двери следователь обернулась и задала контрольный вопрос:

– Никаких вещей он не оставил?

– Во всяком случае, не в нашей квартире.

Жаклин задержалась еще на минуту, чтобы насладиться красотой женщины. Она крайне ей симпатизировала, и сдерживать мысли на этот счет было сложно.

– Вы как-то очень хорошо выглядите.

– Что ж, спасибо, – улыбнулась та.

Жаклин перевела взгляд на фотографию невзрачного и немного раздутого в брюхе мужчину и бутылку крепкого напитка на столе.

– Этот тип имеет на вас права?

– Да, – смутилась женщина, не переставая улыбаться. – Так уж вышло. Я его любила. И ничего менять не хочу.

– Но ведь он вас недостоин, – справедливо заметила Жаклин.

– Не нам выбирать достойных нас, – ответила с печальной улыбкой хозяйка.

– Досадно, – завершила знакомство она.

Шорох за дверью напротив следователь услышала еще прежде, чем позвонила. Как только цепь заиграла, она выставила документ под нос пожилой женщине.

– Жаклин Врана, полиция Стокгольма. У меня к вам несколько вопросов. И первый вопросом не является. Почините дверь, если не можете так долго ее отпереть. Я слышала, как вы подошли к ней, когда звонила вашей соседке, Наташе Гуттенберг. И второе, тоже не вопрос. Налейте мне кофе. Желательно эспрессо без сахара. Но если есть ореховый или ванильный сироп, можете добавить пару капель. А теперь перейдем к вопросам, которые лучше задавать сидя.

Старуха застыла с приоткрытым ртом, и девушке пришлось чуть отодвинуть ее в сторону и переступить порог. Квартира выглядела действительно намного лучше соседской. С ремонтом и встроенной техникой. Она даже напонила Жаклин дом сестры. Такой же обильно обставленный и в розово-персиковых тонах. Выбежала навстречу и принялась облизывать нос ее сапога маленькая собачка. Из собак Жаклин предпочитала только крупные породы, маленькие откровенно ее раздражали. Поэтому следователь тряхнула ногой, так, что та отлетела к стене, и нагнулась, чтобы протереть сапог от слюней одноразовым платком.

– Тинкерли, – пришла на выручку животному хозяйка. – Будьте осторожнее с моим сокровищем. Она очень любит гостей.

– Сомневаюсь, что это взаимно. Я сяду на диван в той комнате. Он мне больше нравится.

– Пожалуйста, – пропустила ее старуха.

Жаклин села на подушки. Хозяйка прибежала из кухни с чашкой эспрессо.

– Моя машина все делает.

– Я за нее рада.

– И капучино, и мокачино.

– Разве что сироп не добавляет, – отпила Жаклин. – И мелет зерна?

– Нет, – проскрежетала старуха.

– А моя мелет, – равнодушно призналась девушка, не замечая, как потемнела хозяйка, и отставила чашку на стеклянный столик. – Итак, фру...

– Называйте меня просто Молли, – приторно улыбнулась та.

– Я могу вас называть как угодно, только для отчета требуется полное имя.

– Молли Якобссон, – снова потускнела женщина.

– Для Молли вы откровенно стары. Значит, коренная шведка.

– В отличие от соседей, я никакая не иммигрантка, – воздела подбородок она. – А вот у вас имя и фамилия далеко не шведские. Жаклин...

– Нет, правильно Жаклин, – исправила она с паузой между слогами.

– Жаклин, – повторила она, как и в первый раз.

– Жаклин. «А» короткая, «и» тянется. Жаклин. Я, знаете ли, горжусь французскими корнями. Хотя не знаю, с какой стороны им взяться. Скорее всего, от бабушки по материнской линии.

– Так вы метиска? – чуть заметно поморщилась та.

– Вы даже не представляете, насколько.

– А фамилия какого происхождения?

– Чешского. И хотя это вас не касается, была зачата в Праге. Информация не конфиденциальна, поэтому могу добавить, что дед по стороне отца – норвежец, а по стороне матери – исландец.

- У вас полная сборная солянка в крови.
- В крови у меня эритроциты, а кофе у вас отвратительный. Но это к слову. А теперь к вопросам. Как хорошо вы знали подозреваемого?
- Я знаю, что он был большим лентяем. Мало работал и много развлекался. Настолько ленив, что даже семью не успел к своим сорока с лишним завести. Эта квартира досталась ему от матери.
- Она жива?
- Сомневаюсь. В последний раз я видела ее пятнадцать лет назад, и уже тогда она была старше, чем я сейчас. Может, вы неохотно поверите, но мне уже шестьдесят.
- Почему же не поверю? – простодушно удивилась Жаклин. – Весьма охотно. Я думала, больше. Значит, в данный момент ей должно быть около восьмидесяти.
- Я не сказала, насколько больше. На тот момент ей было за семьдесят. Нет ее сейчас в живых. Люди столько не живут.
- Почему же? В Швеции довольно приличная продолжительность жизни.
- Но не до ста же лет! – возмутилась фру Якобсон.
- Кто знает?
- Я знаю, – поджала губы старуха. – Никому не хочется жить так долго.
- С этим я согласна. Особенно если позаботиться о тебе некому.
- О ней этот эгоист не заботился. Не то, что мой милый Влади.
- Сын часто вас навещает?
- Не так, чтобы часто... Зато он много чего здесь купил, – поспешила добавить она. – Да-да, вот это все – то, на чем вы сидите, из чего и что пьете, – привозит он.
- Значит, забота для вас определяется материальными подарками.
- А для вас нет? – натянула улыбку старуха, скрывая дрожь в голосе.
- А для меня все равно, – равнодушно призналась Жаклин. – Ваш сосед, вероятно, поджарил электричеством одну из своих знакомых.
- Он кого-то убил? – упала челюсть фру Якобсон.
- Вы не замечали его в компании с женщиной?
- Разумеется, нет! Вряд ли он мог позволить что-то, кроме бутылки пива. Нет, прекрасное ему было чуждо. Иногда он снимал каких-то дешевых проституток, но только по праздникам. Он мало работал и, как следствие, мало зарабатывал.
- Действительно дешевых или это какое-то очередное фигуральное выражение? – аккуратно задала свой большой вопрос Жаклин.
- Самых дешевых! Страшных, как... Даже моя жизнь не настолько страшна.
- А никто из них не мог, скажем, внезапно разбогатеть?
- Сомневаюсь, что одна из них нашла иной способ заработка.
- Ни с кем из них у него конфликтов не было? Вы не слышали криков из его квартиры?
- Ему даже скандалить было в тягость, а вы говорите о спланированном убийстве! Все, что он хотел от жизни, так это умереть и спать спокойно. Я, кстати, была на его похоронах. Кроме меня никого на них не было. Приставной судья и какой-то тип, крадущий права на его квартиру. Какой-то государственный чиновник. Ни одного родственника или близкого. Думаю, на его могиле цветов нет совсем, а единственный букет, который, кстати говоря, мой, уже давно завял. Печально, когда никто о тебе не вспоминает после смерти. Печально и страшно. Будто и не жил вовсе.
- Будто и не жил вовсе, – замороженно повторила Жаклин. – Да, досадно.
- Взгляд ее оставался стеклянным, когда она покидала квартиру старухи. Она представила себя на месте мужчины. Себя, на одиноком кладбище с единственно загнившим букетом цветов от какой-то незнакомой соседки, такой же одинокой и брошенной. В компании с червями, медленно пожирающими ее плоть. Такая готика ей по вкусу не пришлась, и она подумала напи-

сать завещание, в котором просила себя кремировать. На случай внезапной смерти от пули преступника.

Жаклин бросила пустой взгляд на болтливый навигатор и заткнула механическую женщину. Солнце еще не собиралось вставать, и панорама переливалась ее любимым и умиротворяющим голубым. Она свернула в узкий двор по украшенным звездными шарами улочкам. Ей пришлось сложить боковые зеркала внедорожника, чтобы не оставить их на снегу. Она проезжала мимо развилки с привязанными к фонарям велосипедами и подумала о том, что неплохо бы и ей приобрести это приятное средство передвижения. Везде проходимое и не замирающее в пробках.

Особенно ей нравились ярко-желтые дома на фоне призрачно-синего марева. Они напоминали ее пальто. В сущности, саму Жаклин. Они будто говорили, что здесь ее настоящий дом.

Вскоре показались вязы Лесного кладбища. Время от времени Жаклин навещала здесь того, кто помог ей подняться и устроиться в теперь уже своей стране. Офицер полиции Отто Нильс. Человек, который подарил ей крышу над головой и, в конце концов, жизнь. Именно он нашел ее в лесу замерзшей и потерянной после того, как та оставила дом и купила билет на ближайший рейс. Отто устроил девочку в контору, и первое время она жила у него. Теперь, после его давней смерти, все эти воспоминания превратились в потертую пленку с погоревшими кадрами.

У самого офицера Нильса семьи не было. Он не любил об этом рассказывать, но с девочкой поделился в обмен на ее откровенность. Жена и маленький сын погибли в автокатастрофе. В машине, которую он вел. Он задавался вопросом, почему не ушел вместе с ними, почему оставлен страдать в одиночестве. Жаклин ответила на его вопрос наглядным примером. Для того, чтобы спасти ее.

Жаклин презирала отца, а к матери, что еще хуже, вообще ничего не испытывала, потому что сильно от нее отдалилась и потому что та держала ее на вытянутой руке слишком долгое время, для того чтобы обрушить на нее удушливую опеку, какой окружала сестру все годы отсутствия Жаклин. Отто заменил ей обоих родителей, всю семью. А когда его не стало, она окончательно определилась с профессией. Несмотря на то, что ее семья еще существовала, смерть лишь одного человека – а для ее сознания всех родственников – отрезала девочку от остальных и поселила на материк под названием Одиночество. Когда-то она делила его с таким же потерянным, но теперь училась справляться своими силами. Она хотела спасать, оберегать и справедливо наказывать, но скорее из долга и мести, а не от большой любви к человечеству.

Лесное кладбище Жаклин навещала часто. Его заснеженные просторы, пышные кроны вяза, как в саванне, цепь свечек в знак памяти об усопших. Машину она оставила у входа, в конце липовой аллеи, а путь продолжила по сугробам пешком. Долгие пешие прогулки, особенно на подъеме по лестнице, обычно ее утомляли, но не в этом случае. На последней ступени ее ожидали Уве с Локом.

- Опросила старуху? – бросил мужчина, разворачиваясь к тропе.
- Да, ничего особенного. А это кому? – заметила букет в его руке Жаклин.
- Отто. Подумал, что ты, как всегда, забудешь, а ему внимание приятно.
- Вот кто меняет ему цветы, когда забываю я, – догадалась девушка.

Уве был одним из лучших друзей Нильса и по совместительству его коллегой и младшим помощником. Он был свидетелем убийства мужчины и понимал, каким ударом обернется эта потеря для девочки, поэтому опеку о ней после его смерти принял на себя.

- Всегда найдется тот, кто принесет цветы ему на могилу, – опустила голову она.
- Хорошему человеку не жалко всех полей мира, – согласился Уве.

Лок появился в отделе только пару лет назад, когда оканчивал институт на первой стажировке, поэтому о ком идет речь, понимал смутно.

– Мы уже опросили рабочих, – вступил в разговор он, чувствуя неловкость. – Наш подозреваемый покоится по левую сторону от часовни. В нескольких метрах и около пятнадцати по глубине в лес.

– То есть почти километр от этого места, – заключил Уве.

Этот километр троика посвятила тишине и созерцанию. В конце тропы их поджидал пожилой служитель кладбища. Он показал остаток пути, отвечая на вопросы касаясь личности погребенного.

– У вас великолепная память, – восхитился Уве. – Помнить каждого – большой подвиг.

– Не так уж часто к нам заселяются, – рассмеялся старик. – Но этого действительно легко забыть. Его никто не навещает. Пришлось поменять цветы самому. Кажется, у него совсем нет родственников. Печально не быть знаменитостью. Он не Грета Гарбо, которую навещают толпами. Знаете, молодой человек... – обратился к Жаклин служащий. – Может, это прозвучит странно и даже абсурдно, однако вы на нее очень похожи. Было в ней что-то мальчишеское. Или даже мужественное.

– Или во мне что-то женское, – заметила она, чем ввела мужчину в краску. – Грета...

– Актриса, – ответил на ее вопросительный взгляд Уве.

– Хорошо, – кивнула она, когда рабочий остановился у могилы со знакомым всем именем. – А теперь раскопайте.

– Что? – опешил старик. – Но это запрещено?

– Это запрещено? – перевела вопрос помощникам она.

– Это запрещено, – подтвердили те, поджав губы. – Без разрешения, да.

– Вы мешаете следствию, – настояла Жаклин. – А это будет рассматриваться как сокрытие улик и соучастие в преступлении.

– Но беспокоить усопшего – кощунственно! – взмолился рабочий.

– Этот человек, возможно, и не усопший вовсе. Вероятно, три дня назад совершил зверское убийство. Так вы отказываетесь с нами сотрудничать? Будете беречь мертвых или спасать живых?

Она развернулась, и старший следователь подыграл ее трюку, тогда как Лок уловки не понял и остался у плиты, растерянный и лишенный дара речи.

– Ладно, постойте, – остановил их старик. – Сейчас позову могильщиков. И через двадцать минут...

– Приятно иметь с вами дело, – резко развернулась и пожала ему руку Жаклин. – А мы пока проведем нашего старого знакомого.

Следователь направилась к своему покойному родственнику. Уве поспешил следом и вложил букет белоснежных лилий ей в руку.

– Это не мое, – попыталась вернуть букет она, но мужчина покачал головой. – Это нечестно.

– Он хотел бы, чтобы ты их положила.

– И желательно купила.

Лок остался наблюдать за рабочими. Посещать того, кого он не знал, казалось ему неловким.

Земля у плиты Нильса была усеяна цветами.

– Не мы одни его навещаем, – умиротворенно заметила девушка.

– Здравствуй, Отто.

Жаклин обернулась, втянув шею от удивления. Остальные двадцать минут они провели в тишине, погруженные в думы и общение со старым знакомым. Их размышления прервал крик Лока.

Первым отреагировал Уве. Жаклин задержалась еще на пару минут, чтобы коснуться плиты друга. В присутствии постороннего ее это смущало. Она потеряла покалывающий нос и заложила руки в карманы.

К ее приходу гроб уже вынули на поверхность. Еще новый, но из очевидно дешевого материала. Неаккуратно сложенные доски раскрошились, ржавые гвозди вылетали от малейшего нажатия. Рабочие отступили, предоставляя дальнейшие действия следователям.

Жаклин приблизилась к ящику и постучала по заиндевевшему дубу. Раздался отзвук пустой скорлупы от грецкого ореха. Она приложила к нему ухом и задержала дыхание, будто рассчитывала услышать биение сердца. Затем решительно выпрямилась и дернула за одну из досок. Любопытные рабочие, успевшие приблизиться вплотную, дрогнули от неожиданности. Уве предложил помощь, но девушка раздраженно отмахнулась и помогла себе ногой. Мощная подошва сапог прорывалась и застревала между досками. Один из рабочих этой сцены не выдержал и предпочел наблюдать с безопасного расстояния. Наконец нога ее полностью провалилась, и ручка изнутри щелкнула. Она освободила ногу и пригнулась, убирая непослушные волосы за уши. Рабочие замерли, Уве подошел ближе и вынул пистолет на всякий случай.

Жаклин дернула крышку, и содержимое открылось окружающим во всем своем отвратительном великолепии. Восприимчивому Локу снова сделалось нехорошо, Уве опустил оружие, закрыв глаза, Жаклин потеряла переносицу и тихо чертыхнулась. Гробница не пустовала. Хозяин ее, уже порядком разложившийся, мирно спал. Одежда сильно истлела и потрепалась, кожа проваливалась между костями в черепе.

– Его осматривали? – спросила Жаклин, перебирая пальцами рабочую форму механика.

– Нам это неизвестно, – ответил старик. – Кажется, его похоронили в том, что на нем было в последний момент.

Девушка запустила руку в карман оранжевой куртки, потускневшей от холода и грязи. Что-то зашуршало между ее пальцами. Она бросила гневный взгляд на рабочих и скорбный – на своих коллег.

– Мы здесь ни при чем, – оправдывались первые, в то время как она вынимала поблекший снимок паспортного образца.

– Кто бы сомневался. Это какая-то игра обиженного ребенка. Кажется, у нас это называется испорченным телефоном. Или переводом стрелок, – она подняла фотографию над головой и продемонстрировала Уве обратную сторону со словами «Он меня убил».

Глава 3

Свет единственной лампы падал в центр стеклянного столика. Жаклин склонилась над фотографиями. На одной из них – Михаэль, на второй – светловолосый юноша с водянистыми глазами. Остальные выжидали вердикта экспертизы. Уве разделявал кровяную колбасу, Лок украшал искусственную елку на подоконнике. Виктор барабанил пальцами, раздражая окружающих обыкновенной нервозностью от переизбытка или недостатка кофеина. Он уже и сам не мог определить, чего не хватает его организму, поэтому злился вместе с остальными.

Наконец, в кабинете показалась энергичная Соня с документами в руках.

– Совпадение почерка чуть меньше, чем в прошлый раз, – сообщила она, прежде чем кто-то заглянет в бумаги.

– Но ведь мы не можем утверждать наверняка, – переворачивала страницы Жаклин. – Почерк – не отпечатки пальцев.

– В том-то и проблема, – вздохнула женщина. – Мы сняли отпечатки с ламп, которыми была убита женщина. Они принадлежат Михаэлю.

– То есть дело можно закрыть? – обрадовался Лок. – Все сходится.

– Нет, не можем, – стукнул кулаком Виктор. – И не будем.

– Согласна, – кивнула Жаклин, постукивая по фотографии с незнакомцем. – Мы не знаем, кто этот мальчик. Ведь не знаем? – уточнила у Сони она.

Она развела руками, набирая телефон отдела.

– Можешь спросить сама, – передала ей трубку женщина.

– Да? – спросила у гудков Жаклин и повторила, когда раздался голос.

– Слушаю, – отозвался Снуре Ламан, молодой человек из поискового отдела.

Со своей работой он справлялся с переменным успехом, и девушку это нередко злило. Он единственный, кто мог производить в ней желчь тоннами.

– Я тоже слушаю, – бросила она. – Мы оба умеем слушать. Вот так совпадение.

Уве зажал губы, чтобы не рассмеяться вслух.

– Га?.. Жаклин? – исправился он. – Мы еще не успели ничего разведать.

– Меня должно это удивить?

– Мы... Что? Мы думаем, что узнать об этом юноше ничего не удастся.

– Уверены?

– Абсолютно. Мы все проверили. Нигде и ничего о нем нет. Никаких данных. Он будто призрак.

– Так ищите внимательнее.

– Мы уже все проверили.

– Значит, не все, – спокойно заключила она.

– Нет, все, и досконально, – он поднял голос так, что слышали все в кабинете. – Постарайтесь получить новые данные.

– Хорошо, – потерла переносицу она. – Вот тебе новое задание.

– Да, – заинтересовался Снуре. – Записываю.

Уве и Лок пригнулись, чтобы подслушать разговор, и застыли в ожидании.

– Записывай, ничего не упусти.

– Хорошо, – деловито сказал он. – Диктуй.

– У тебя на столе ксерокопия фотографии, которую мы нашли в последний раз, верно?

– Так.

– Блондин, светлые волосы...

– Верно, – соглашался мужчина. – И что мне с ней делать?

– Узнать, кто он такой, – спокойно объяснила она в десятый раз и положила трубку.

Уве выдавил воздух из легких и громко рассмеялся.

– Это было жестоко, – качала головой Соня.

– Разве? – возмутился Лок. – Ничего не жестоко! Я давно хотел это сделать.

– И я, – согласился Уве.

– Ведь все так очевидно, – задумчиво сказала Жаклин, и общее веселье оборвалось. –

Разве нет?

– Что очевидно? – выглянула через ее плечо Соня.

– Вглядитесь в его глаза.

Уве взял фотографию и выставил перед носом.

– Слишком блестящие. И настолько светлые, что сливаются с белком. Я понял, о чем ты.

– А нам не объясните? – запротестовал аспирант.

– Он незрячий, – догадалась Соня.

Жаклин перевернула снимок и рассмотрела почерк.

– Это должно сузить список, – потянулась к телефону Соня. – Давайте сообщим об этом...

– Нет, – задержала ее руку девушка. – Пускай сами думают.

– В любом случае за дополнительной информацией ты обратишься к Тоби, – кивнул Уве.

– Может, они просто адекватные люди, которым не нравится работать в праздники? – возмутился аспирант. – Может, здесь только вы мазохисты?

– А может, кто-то говорит слишком много и не по делу? – отозвался Уве.

– Кому действительно надо отдохнуть, так это Жаклин, – мягко улыбнулась Соня.

– Я отдыхала в прошлом месяце. Вы же читали мою статью в журнале.

– Ты не отдыхала, – облизал пальцы Уве, – а была на задании.

– Отпечатки на фотографиях есть? – сменила тему она.

– На фотографии с первого места преступления обнаружены отпечатки, кого бы вы думали...

– Михаэля, – раскинул руками Лок. – В чем дело? Почему нельзя объявить убийцей его?

– Успокойся, – бросил Уве, сворачивая грязные салфетки. – Если никаких улик в течение суток не всплывет, так и поступим. Но не думаю, что это принесет облегчение всем нам. Особенно Жаклин, – бросил ухмылку на ее стеклянные глаза он. – Да, Жаклин?

– Михаэль убил женщину и получил по заслугам, – пояснил Лок. – Иногда жизнь бывает справедливой.

– Жизнь никогда не бывает справедливой, – обернулась на вид за окном Жаклин и постучала рукой по столу. – Вот что мы сделаем.

– Идем спать? – жалобно предложил Лок.

– Не дождешься, – усмехнулся Уве, вытирая руки влажным полотенцем.

– Пусть сравнят почерки еще раз.

– Но ведь... – начала Соня.

– Почерки этих двух фотографий. Нам надо знать, принадлежат ли они одной руке.

И продолжайте поиск отпечатков с последнего снимка.

– Они должны принадлежать убийце Михаэля? – спрыгнул с подоконника Лок. – Но ведь Михаэль сам убийца. Зачем восстанавливать честь убийцы?

– Потому что будет третий, – откинулась на спинку стула Жаклин. – А теперь расходимся.

Лок хлопнул в ладоши, Виктор схватил куртку и выбежал из отдела первым. Соня спустилась в кабинет экспертизы с новым поручением. Уве собрал пакеты с мусором, а Жаклин выключила яркие лампы над столом и бросила последний взгляд на панораму из офиса.

– Подбросишь меня? – спросил он, нажимая кнопку лифта. – Я и до кладбища на метро добирался.

Жаклин резко кивнула и направилась к машине, подготавливая ключи.

– Мы живем в немного разных частях, но Швеция тесная, – забрался на соседнее кресло он и хлопнул дверью. – К тому же я знаю, в какой восторг тебя приводят ночные улицы. А сама помочь ты никогда не предложишь.

– Ты угадал, – поправила стекло Жаклин. – Тем более мне ведь надо тебя как-то отблагодарить.

– За что? – нахмурился Уве.

– За цветы, – ответила она. – Только остановим у первого заведения. Я всех распустила только для того, чтобы выпить кофе.

– Охотно не против.

Первое кафе показалось уже через несколько минут. Жаклин припарковалась на свое усмотрение, не обращая внимания на сигналы выезжающих с поворота машин.

– У тебя, насколько я знаю, права есть, – усомнился Уве, открывая перед ней дверь в кафе.

– Есть, – кратко ответила она, рассматривая меню над потолком. – Американо и... американо.

– Два американо? – переспросила официантка.

– Нет, американо и капучино, – исправилась Жаклин и выложила кредитку. – Почему ты решил, будто у меня нет прав?

– Ну, ты неправильно паркуешься и забываешь блокировать двери.

– Я не заблокировала двери? – обернулась Жаклин.

– Да, я пытался тебе сказать, но ты так спешила...

Жаклин пожала плечами, подняла поднос и направилась к угловому столику.

– Все равно не моя.

– Но ты несешь за нее ответственность, – кинул ей вслед Уве, но не удостоился даже взгляда. – Кофе и блинчик с мясом и вишневым соусом.

– Ты ведь уже ел, – недоумевала Жаклин, когда он поставил поднос рядом.

– Это запрещает мне поест еще раз? Если уж мы оказались в таком месте. Или раз ты питаешься одним только кофе, это обязывает всех остальных следовать твоему полезному рациону?

– Да, у меня полезный рацион, – не поняла сарказма девушка.

– Нет, Жаклин, то, как ты ешь, вовсе не полезно. И говорю я тебе это, потому что желаю только добра. Ведь ты мне безразлична.

– Почему это? – подняла бровь она. – Ты же мне безразличен.

– Спасибо за правду. И все же ты годишься мне в дочери, а старший всегда берет на себя ответственность за младшего. Дети не привыкли заботиться о ком-то, а в тебе еще не сформирован родитель.

– Вот как? – удивленно спросила она. – Значит, я не должна испытывать вину за то, что не могу ответить тебе взаимностью?

– Может, и должна, не знаю, – раздраженно махнул мужчина. – Я сам неважный родитель и давно перестал понимать свою дочь. Она, к слову, почти твоя ровесница.

– То, что мы с ней ровесники, еще не делает нас похожими.

– Почему-то мне кажется, из тебя выйдет неплохой родитель. Ты не совершишь моих ошибок.

– Я вообще не собираюсь быть родителем, – поежилась она. – Я смотрела, как это происходит, и мне это показалось противоестественным.

– Я тоже видел, как рождает моя жена, и, поверь мне, это самая в природе натуральная вещь. В отличие от этого скверного мяса и джема. Раз уж мы заговорили о семье... Как поживает сестра?

– Из последнего разговора с ней я вынесла, что весьма скверно. Все беды с этой особой происходят из-за того, что она невыносимая потаскуха.

– Сказал бы, что о родных сестрах так не отзываются, но знаю, что лгать ты не умеешь, и приму за чистую монету.

– Она спала с одним парнем на протяжении полугода и подумала, что это даст ей право считать его своим.

– А я-то думал, ты самая знатная феминистка в стране.

Уве рассмеялся с набитым ртом, вдохнул брусничный соус и резко закашлялся. Жаклин спокойно наблюдала за этими муками, игнорируя его жесты.

– Спасибо, – выдавил он, когда кашель отступил.

– Не за что, – пожала плечами она. – А за что?

– Когда человек кашляет, следует постучать ему по спине, иначе ненароком задохнется, – доходчиво пояснил мужчина.

– Даже если человек взрослый и понимает, что с набитым ртом не разговаривают и уж тем более не смеются? Закончил? – следила за его движениями челюстью она.

– Необязательно вскакивать, как только закончишь с трапезой.

– Ты собираешься есть еще? – поморщилась Жаклин.

– Нет, что ты! Я не такое чудовище, как ты думаешь.

– Я не думаю, что ты чудовище, но у тебя чудовищный желудок, – добавила она, немного помолчав. – Почему ты назвал меня феминисткой?

– Ну не знаю, – наклонил голову в бок он.

– Ты доел? – поднялась Жаклин. – Кажется, они закрываются. Это кафе не круглосуточное.

– Да, – вздохнул и направился за ней в машину Уве. – Прости, что залез не туда, – сжал губы он. – И прости, что поднял голос. Это непозволительно и непрофессионально.

– Да, я не твой допрашиваемый. Криком бы ты из меня ничего не выбил.

– Так я из тебя действительно сделаю феминистку, – рассмеялся он. – Просто все в отделе... Понимаешь, в коллективе закрытых не любят.

– И что же, если я просто работаю на работе, значит, можно пускать обо мне сплетни?

– К сожалению, в большинстве кругов это именно так и происходит, – с горечью признал он. – Если не обсуждаешь вместе с остальными – обсуждают тебя.

– И что же, меня обсуждают? – сглотнула она. – А ты обсуждаешь вместе с ними? Как меня называют за спиной?

– В нашем кругу тебя никто так не называет, поверь.

– Но как называют не в нашем кругу? – потребовала ответа Жаклин.

– Тебя это не обрадует. Гансом.

– И что это значит?

– Я не большой специалист в медицине и литературе.

Она кивнула, прислушиваясь к звону брелока и шума двигателя.

– Понимаешь, – продолжил он, – мне трудно тебя защищать, когда я сам ничего не знаю. Вот уже пятнадцать лет я объясняю коллегам, что никакая ты не сбежавшая из другой страны преступница, не наркоманка и не лесбиянка. Фантазия у людей безгранична. Скоро они тебя и вампиром сделают. Я не перестану тебя защищать, но для этого нужно хотя бы чувствовать уверенность в том, за что заступаешься.

Жаклин не отвлекалась от дороги.

– Высадить у дома? – бросила она.

– Да, у дома, – огорченно ответил Уве.

– До завтра, – кивнула она, не оборачиваясь, и остановила машину на площадке рядом с его подъездом.

– Жаклин, я всегда буду на твоей стороне. Понимаю, что новым Отто мне для тебя не стать. И все же не думай, что ты одна.

Он покинул машину, и девушка тут же тронулась. Она не стала ждать, пока он поднимется на свой этаж, как любила это делать. Не стала смотреть на окно их кухни. На то, как радуется его приходу жена, ставит на стол свежеприготовленный чай с имбирным печеньем. А дочь наблюдает за ней с высоты в коротком халате, забросив на подоконник ноги в шерстяных гетрах.

Жаклин выехала на главную улицу, свернула в сторону площади Сельгенс Тор и бросила машину вне зоны стоянки. Прошла вдоль горящих витрин магазинчиков, рассматривая причудливые игрушки, елочные шары с миниатюрными копиями популярных зданий внутри, плетеных зверей. Один из них ей приглянулся особенно. Это был олень из веток вроде тех, что стояли в центре площади.

– Его можно подключить, и тогда он будет светиться, – пришел на помощь продавец. – Показать?

Жаклин вспомнила о кошмарах, которые преследовали ее всю ночь, и поставила игрушку на прежнее место.

– А есть что-нибудь не электрическое? – отмахнулась от уродливых кадров она. – Что не сгорит.

– Обычные олени, – кивнул на более дешевый товар мужчина. – Из обычных веток. Тоже горят, но только если очень постараться.

Она подняла одну из фигурок с повязанным на шее миниатюрным шарфиком.

– Беру этого, – вынула кредитку она.

Продавец не выдержал и указал на ее пальто.

– Не хотите ответить на телефон?

Из-за общего шума и навязчивой фоновой музыки своей тихой монофонии она не услышала. Привыкший к подобной какофонии продавец посторонний звук уловил несколько минут назад. Она не успела ответить и проверила входящий номер. Такого в ее электронной записной книжке не было. Спустя секунду с этого же номера, прежде чем она успела бросить обратный звонок, пришло сообщение с коротким текстом: «Имя слепого Николас Эшби. Садовод».

Садоводом себя называл Тоби. Его информации Жаклин верила без проверок. Мальчик еще ни разу ее не подводил. Перезванивать ему она не стала. Вместо этого набрала номер Сони Иккерман, которая, как она подозревала, до сих пор находилась в участке вместе с экспертами.

– Николас Эшби, – бросила в трубку она, забирая карту у продавца.

– Имя слепого?

– Да, Николас Эшби, – повторила по слогам она, возвращаясь к машине быстрым шагом. – Пустите фотографии в ленту новостей. Нужно объявить его в срочный розыск.

– Он убийца Михаэля?

– Еще хуже. Он следующая жертва. Моя машина...

– Жаклин? Я тебя...

– Где моя машина?

Соня почти не различала ее голоса сквозь поток постороннего шума. Жаклин медленно отдаляла трубку, наблюдая за тем, как ее автомобиль погружают на эвакуатор. Она бросилась за ним, обогнала и преградила дорогу буксировщику. Водитель приоткрыл дверь, чтобы крикнуть что-то неприличное.

– Жаклин Врана, – выставила свидетельство она. – Полиция Швеции.

– Ничего не знаю, у меня приказ, – хлопнул дверью он и объехал девушку до того неаккуратно, что ей пришлось отскочить к бордюру и упасть в снег.

Впасть в панику было не в ее правилах. Провожая взглядом капот своего автомобиля, она вынула мобильный и набрала номер того, кто всплыл в ее памяти первым.

– Да? – сонно ответил Уве. – Что-то случилось?

– Мою машину эвакуировали, – коротко и спокойно пояснила она, отряхивая пальто. –
Можно я вернусь к тебе?

– Ну, да, конечно, – обрадовался, но одновременно растерялся он. – Ждем. Ты далеко?
Тебя встретить?

– Нет, доберусь, – нагнулась за игрушкой она.

Глава 4

Дверь он открыл в домашних штанах, белой майке и тапочках. Сонный и потирающий глаза, отступил от порога и указал на кухню.

– Сегодня разборки устраивать не будем. Позвоню завтра, и решим этот вопрос полюбовно. Лучше тебе разуться, – заметил ее грязную обувь он.

– А вы разуваетесь? – удивилась Жаклин.

– Представь себе, – улыбнулся он. – Жена не любит грязи в доме. Ты же знакома с моей женой, если я помню?

– Бекки твоя жена? В таком случае – знакома. Она появлялась в участке несколько раз, чтобы принести тебе еду.

Квартира Уве разительно отличалась от ее собственной. Чувствовалось, что в ней кто-то живет, но без той броской загруженности розового в мире Софи. Ряд семейных фотографий в компании бесчисленных родственников и друзей на полках, подарки, купленные или же сделанные руками.

– Странно, – задержалась на пороге Жаклин.

– Что странно? – улыбнулся мужчина.

– У вас так тепло.

– Да, мы хорошо топим. Даже тапочки не нужны.

– Нет-нет, – замахала руками она.

– Нужны, – показала в проеме ванной дочь Уве, накрашенная совсем не по-домашнему. – Я принесу.

– Это моя дочь Кларисса, – бегло представил девочку отец. – В общем, мы с женой ждем на кухне. Печенье и кофе еще остались. Мы как будто знали, что ты вернешься. Обслужи гостя, милая, – бросил хозяин и скрылся на кухне.

– С большим удовольствием, – улыбнулась миловидная девочка, наклоняясь к напольному шкафчику так, что задралась юбка и оголились стройные бедра. – Вам нравятся? – выпрямилась она, демонстрируя белые махровые тапки с заплатками. – Мама сама их пришила. Вот здесь.

Она провела ногтем по рисунку, улыбаясь пухлыми ярко-красными губами.

– Вы работаете с папой? – поставила обувь к ногам Жаклин она и помогла расстегнуть пальто длинными ногтями. – Он ничего о работе не рассказывает.

– Вот как? – приподняла бровь Жаклин, позволяя девочке за собой ухаживать.

Подвоха в ее заботе она не заметила. В этом доме ей все казалось необычным, поэтому удивляться она перестала.

– Наверное, вы очень устали, – повесила на крючок пальто гостыи девочка, взяла ее руку и повела на кухню. – Работа у вас напряженная. Каждый день убийства и погони.

– Да не так уж...

– Можете прийти ко мне после трапезы, – обошла гостью девочка.

Жаклин растерянно обернулась корпусом и проводила Клариссу взглядом. Девочка помахала рукой и скрылась в комнате, оставляя за собой демонстративную щель.

– Ну, где ты там? – крикнул мужчина, и девушка прошла на кухню, маленькую, но уютную. – Я уж было подумал, ты нас грабишь.

– Добрый вечер, Жаклин, – улыбнулась жена Уве, приятной наружности женщина средних лет. – Ты, насколько я помню, любишь эспрессо.

– Да, – удивилась ее познаниям Жаклин и опустила напротив своей чашки. – У вас очень приятная дочь. Тоби ответил мне двадцать минут назад.

– Когда эвакуировали машину? – не мог сдержать улыбку Уве.

– Как это могло произойти? – сопереживала хозяйка. – Разве они имеют право до выяснения обстоятельств? А как же штрафы?

– Я разберусь с этим завтра, – отмахнулся мужчина. – Все, кроме телефона, осталось там? Составь список, чтобы ничего не прибрали.

– Да в общем-то нет, – пожала плечами Жаклин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.